

Марк Михайлов

Выделимость морфем в речевых процессах с антонимическим ОТТАЛКИВАНИЕМ

Studia Rossica Posnaniensia 4, 123-129

1973

Artykuł został zdigitalizowany i opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

МАРК МИХАЙЛОВ

Горький

ВЫДЕЛИМОСТЬ МОРФЕМ В РЕЧЕВЫХ ПРОЦЕССАХ С АНТОНИМИЧЕСКИМ ОТТАЛКИВАНИЕМ

Для решения проблемы выделяемости морфем большое значение имеют наблюдения за такими процессами, в которых реализуется выделяемость морфемы конкретного слова.

Недавно И. Немец показал особую роль антонимических связей в развитии словарного состава языка¹. Сходные мысли неоднократно высказывались в литературе и раньше², но нужно признать, что у И. Немца они получили наиболее четкое выражение.

Процессы, в которых проявляется антонимическое отталкивание, интересны для изучения морфемной структуры именно потому, что они очень часто сопровождаются выделением морфемы конкретного слова. Однако так бывает не всегда, и можно наметить отграничение антонимического отталкивания, реализующего выделяемость морфемы конкретного слова, от изменений, при которых такое выделение отсутствует или является проблематичным.

Если речевая потребность в антониме по каким-либо причинам не может быть удовлетворена существующим в языке словом в его узувальном значении, она вызывает различного рода изменения. (Результаты этих изменений в большинстве случаев остаются окказиональными, но иногда закрепляются в языке, переходя в разряд узувальных. Различие результатов не имеет для нас никакого значения, поскольку выделяемость морфемы можно непосредственно наблюдать исключительно в речевых процессах). Лингвист может разграничить три типа таких изменений.

1. Потребность в антониме удовлетворяется новой комбинацией морфем.

Если процесс имеет характер прямой деривации, он сопровождается или, наоборот, не сопровождается выделением морфем конкретного слова языка в зависимости от двух возможных способов построения антонима, на которые обратил внимание И. Немец.

¹ I. Němec, *Antonymní vztah jako činitel lexikálních změn*. „Listy filologické“ 1966, 89, 1 и его: *Vývojové postupy české slovní zásoby*, Praha 1968, s. 118 n.

² См., например, специально по отношению к словообразовательным процессам: E. Hermann, *Lautgesetz und Analogie*, Berlin 1931, S. 133.

При использовании антонимичной производящей основы процесс бесспорно реализует выделимость морфем конкретного слова :

Даже в „слепом” полете по приборам самые ответственные этапы — взлет и особенно посадку — все равно и по сей день приходится выполнять „взрячую” (М. Галлай, Испытано в небе. „Новый мир” 1963, 5, стр. 124). Мало-помалу пляж стал наполняться, отдыхающие и дачники отзавтракали, собрались, *приразделись* и ... потянулись к морю (Ф. Кнорре, Весенняя путевка. „Дружба народов” 1971, 3, стр. 19). Это вам философы говорят, что там все по-другому. А с точки зрения редактора там все *по-первому* (устн.)³.

Поскольку в этих случаях новообразования строятся на базе производящей основы, антонимичной производящей основе конкретного образца, с использованием аффикса, отвлеченного от этого конкретного образца, мы можем констатировать реализацию выделимости морфем вполне определенных слов языка : *в-слеп-ую, при-оделись, по-друг-ому*⁴.

Но антоним может возникнуть и путем присоединения префикса (*не-*, реже *без-*):

Однако в Нюркиной радости была одна *нерадость*, один укор совести — отец (Н. Евдокимов, Сказание о Нюрке — городской жительнице. Москва 1971, стр. 99). ...Каким я был *несолдатом* и каким он был солдатом (Д. Гранин, Необыкновенное утро. Ленинград 1970, стр. 281). Если труд создает человека, то „*нетруд*” его разрушает („Комсомольская правда” 1971).

Подобные новообразования, конечно, свидетельствуют о выделимости префикса *не-*, о его отдельности, „особности”, как можно сказать вслед за Н. М. Шанским, но они не дают возможности определить границу той группы слов, само существование которой и приводит к выделимости префикса. Иначе говоря, здесь нет реализации выделимости префикса в конкретном слове, потому что новообразования создаются по образцу целого словообразовательного типа.

Весьма часто процесс имеет характер дезинтегральной деривации, т.е. анто-

³ Пометой „устн.” отмечаем примеры, взятые из устной речи лиц, пользующихся исключительно литературным языком и вполне владеющих им.

⁴ Большинство образований, построенных с использованием аффикса конкретного образца и отмеченных в литературе на материале разных языков, объясняется именно как результат прямой деривации с антонимическим отталкиванием. Ср. нем. *überwintern* под влиянием *übersommern* (*Deutsche Wortgeschichte*, Berlin 1959 - 1960, Bd. 2, S. 483), *verkomplizieren* под влиянием *vereinfachen* (W. Fleischer, *Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache*, Leipzig 1969, S. 300); франц. окказиональное *éclairage* под влиянием *ombrage* (E. Pichon, *Les principes de la suffixation en français*, Paris 1942, p. 68); испано-американские *surada* 'период южных ветров', *surazo* 'сильный южный ветер', *sureño* 'житель юга' под влиянием *nortada* 'период северных ветров', *nortazo* 'сильный северный ветер', *norteño* 'житель севера' (Г. В. Степанов, *Об испано-американском словообразовании*, „Вопросы языкознания” 1960, № 1, стр. 71); чешск. *kladeč* под влиянием *stavěč* (*Tvoření slov v češtině*, 2, Praha 1966, s. 40); русск. *преуменьшить* под влиянием *преувеличить* (Н. М. Шанский, *Очерки по русскому словообразованию*, Москва 1968, стр. 167 сл.) и т.д.

ним образуется путем замены аффикса (всегда — префикса):

— Эх, чтоб им охоту *распретить!* (Э. Радзинский, Капитан Солнцев. „Юность” 1969 7, стр. 53). [Генерал] ...*расшторивает* на стене карту и показывает на самый дальний участок фронта („Литературная газета” 1970).

Здесь нет отвлечения использованного префикса *раз-* от конкретного образа, однако этим префиксом замещен другой, выделенный все-таки в конкретном слове. В связи с этим и дезинтегральная деривация с антонимическим отталкиванием реализует выделимость морфем конкретных слов языка, в данном случае *за-претить* и *за-шторивает*⁵.

Наконец, процесс приобретает иногда характер обратной деривации, т.е. антоним образуется путем устранения аффикса (как и при дезинтегральной деривации — обязательно префикса):

Я вообще не очень-то *людимый* стал в последнее время... (В. Драгунский, Сегодня и ежедневно. Москва 1967, стр. 68). ...Если бы кто-нибудь *чаянно* или нечаянно разбил... сундук („Литературная газета” 1971).

Как и дезинтегральная деривация, обратная деривация с антонимическим отгалкиванием обычно реализует выделимость морфемы в конкретном слове языка. Приведенные примеры иллюстрируют реализацию выделимости префикса *не-* в *не-людимый* и *не-чаянно*.

2. Потребность в антониме удовлетворяется расширением антонимических отношений между двумя узуальными антонимами.

Если два узуальных слова являются антонимами в части своих значений, антонимичность может окказионально расширяться, захватывая и другие значения этих слов. Примеры такого рода широко известны.

Существительные *открытие* — *заккрытие* антонимичны в большинстве своих значений. Но для того значения, которое реализуется, например, в сочетании „научное открытие”, *заккрытие* может оказаться антонимом лишь окказионально:

Думаете, бывают только географические открытия? Ничего подобного — случаются и *закрития* („Неделя” 1966)⁶.

⁵ Не всякая дезинтегральная деривация дает возможность определить конкретное слово, послужившее исходным пунктом словообразования. Например, недавно появившееся в языке литературных критиков слово *конкретика* представляет бесспорно результат дезинтегральной деривации, однако нет смысла ставить вопрос, суффикс какого слова — *конкретный*, *конкретизировать* или *конкретизация* — замещен в новообразовании суффиксом *-ик(а)*. Но если мы признаём значение антонимического отталкивания в словообразовательных процессах и если мы видим, какую большую роль для антонимического противопоставления играют приставки *за-* и *раз-* (ср. *запаковать* — *распаковать*, *закупорить* — *раскупорить*, *застегнуть* — *расстегнуть* и т.д.), мы можем уже с большей уверенностью утверждать, что исходным пунктом для новообразования *распретить* является именно *запретить*, а не другой глагол с тождественной связанной производящей основой *воспретить*.

⁶ Пример взят из Картотеки новых слов Института языкознания Ленинградского отделения АН СССР.

Глагол *размагнитить/размагничивать* в своем прямом значении ('лишить магнитных свойств') антонимичен глаголу *намагнитить/намагничивать* ('сообщить какому-либо телу свойства магнита'). Переносное значение первого глагола (ср. формулировку „Словаря русского языка” в 4 томах 'утратить собранность, сосредоточенность, целеустремленность') может отразиться на семантике второго только окказионально:

— Это не должно нас размагничивать — Наоборот, это должно нас намагнитить (устн.).

Слова *приятность* — *неприятность* антонимичны хотя бы как отвлеченные существительные, выражающие качества приятного и неприятного (ср. речение, приведенное в „Толковом словаре русского языка” под ред. Д. Н. Ушакова: „неприятность запаха”). Но первое слово может быть употреблено окказионально как антоним к *неприятность* в значении 'неприятное событие, происшествие':

Леля иной раз сама предупреждала: „Вы сегодня с Гришей полегче, а то у него неприятности с работой. Он очень расстроен”. Да ведь когда были *приятности*? (Ю. Трифонов, Долгое прощание. „Новый мир” 1971, 8, стр. 75).

Хотя антонимичность приведенных слов (в их узуальных значениях) выражена определенными морфемами и эти морфемы в системе языка создают антонимическое противопоставление достаточно регулярно, мы не можем утверждать, будто бы в рассмотренных процессах непременно реализуется выделимость этих морфем. Глагол *намагнитить* приобретает окказиональное значение 'мобилизовать' не потому, что его морфемная структура приспособлена для выражения семантики, противоположной семантике глагола *размагнитить*, а потому, что эти глаголы уже узуально антонимичны. Иными словами, рассмотренный процесс ничем не отличается от такого расширения антонимического противопоставления, когда заподозрить в слове выделимость каких-либо словообразующих морфем вообще невозможно, например:

Она не умела плакать, потому что глаза у нее были на *сухом* месте (Н. Печерский, Таня „Юность” 1969, 12, с. 37). — А почему это получается, что ты в мягком вагоне едешь, а я в *твердом*? (С. Антонов, Царский двугривенный. „Юность” 1969, 10, стр. 30).

Известно много случаев перерастания подобных окказиональных семантических сдвигов в узуальные. И. Немец в упомянутой выше статье приводит историю обогащения семантики прилагательного *левый* под влиянием его антонима *правый* в славянских языках. Можно напомнить также историю взаимоотношений антонимов *широкий* — *узкий* и других антонимических пар в русском литературном языке XIX века, рассмотренную в книге Ю. С. Сорокина *Развитие словарного состава русского литературного языка. 30 - 90-е годы XIX века*, (Москва — Ленинград 1965).

Таким образом, если процессы первого типа бесспорно сводятся к созданию морфологических новообразований в самом точном смысле этого тер-

мина, процессы второго типа, наоборот, представляют собой простой семантический сдвиг, при котором выделимость морфем никак не проявляется.

3. Явления третьего типа могут объясняться и как комбинирование морфем, и как семантическое влияние на существующее в языке слово, причем лингвист не имеет в своем распоряжении инструмента, который позволил бы отграничить одно от другого. Однако важно подчеркнуть, что для изучения выделимости морфем процессы третьего типа важны так же, как и процессы первого типа, потому что они не мыслимы без допущения выделимости морфем в конкретном слове.

Существительные *вершина* и *низина* не являются антонимами: последнее однозначно ('низменное место'), первое — многозначно, но ни одно из значений не может оцениваться как антонимичное к значению 'низменное место'. Точно так же не антонимичны в своих узуальных значениях существительные *новинка* ('что-либо новое, недавно появившееся') и *старинка* ('ласк. к старина', старина — 'то, что было давно; события, обычаи, порядки и т.п. давнего времени'), глаголы *завертеться* (1. 'начать вертеться', 2. 'оказаться поглощенным множеством занятий, хлопот и т.п.', 3. 'повести беспутную жизнь') и *развертеться* (1. 'ослабиться от времени, развинтиться', 2. 'расшириться при развертывании каким-либо инструментом', 3. 'начать быстро вращаться, приобретая большую скорость вращения'). Но окказионально каждая из этих пар может проявлять противопоставления антонимические:

Мне дороги прорывы к вершинам духа, которые Достоевский выражал в качествах своих любимых героев. Ну, а *низины*... *низины*, они клокочут и в голове Раскольникова, и в крови Мити Карамазова... („Комс. правда" 1971). Новинки [литературы] тем временем становятся *старинками* (устн.). А Лялька-то как завертелась, как завертелась, так *развертеться* уж и не могла („Неделя" 1970).

Как уже было отмечено выше, мы можем по-разному представить себе ход соответствующего процесса: либо как семантическое влияние определенных слов языка на другие слова, существующие в языке, влияние, вызывающее семантический сдвиг в существующих словах (т.е. процесс, составляющий сущность явлений второго типа), либо как настоящее морфологическое словообразование, сопровождающееся конструированием слов из морфем (процесс, составляющий сущность явлений первого типа). Но любое из этих объяснений предполагает выделение морфем в том конкретном слове, которое является исходным пунктом антонимического отталкивания. В самом деле, если допустить, что в первом примере семантика существительного *вершина* преобразует семантику существующего слова *низина*, превращая его в антоним, мы можем объяснить это только с учетом того, что в системе языка антонимы очень часто выражаются тождеством словообразующих аффиксов при антонимичных производящих основах, следовательно, только выделимость производящих основ (*верш-* и *низ-*) и выделимость тождественного (по крайней мере, в фонемном выражении) аффикса (*-ин(а)*) может способствовать „пере-

оценке” слова низина как антонима к слову *вершина*. Точно так же глаголы *завертеться* — *развертеться*, не являющиеся антонимами, могут окказионально использоваться как антонимы только под влиянием выделимости в этих глаголах при тождественной производящей основе приставок *за-* и *раз-*, часто создающих антонимическое противопоставление в языковой системе. Без допущения морфемного анализа, осуществляемого самим носителем языка, в подобных случаях невозможно было бы объяснить, почему слова, не связанные узуально как антонимы, окказионально приобретают антонимические значения.

С другой стороны, если предположить в подобных случаях конструирование нового сочетания морфем, лишь совпадающего формально с существующим в языке словом, рассмотренные процессы становятся в один ряд с процессами первого типа и морфемный анализ, осуществляемый носителем языка, оказывается также очевидным. Так, если антонимическое значение новообразования выражено антонимической производящей основой при том же словообразующем аффиксе, мы имеем дело с типичной прямой деривацией, при которой формант отвлекается от конкретного образца (*низины* и *старинки* по образцу *вершины* и *новинки* — так же, как рассмотренное в первом типе *приразделись* по образцу *приоделись*), если же оно выражено антонимичным аффиксом при тождественной производящей основе, перед нами — дезинтегральная деривация с заменой префикса конкретного слова (*развертеться* при *завертеться* — так же, как рассмотренные в первом типе *расшторивать* при *зашторивать* или *распретить* при *запретить*).

Как видно из приведенных примеров, есть вполне определенные внешние признаки процессов, отнесенных нами к третьему типу, в котором образование слова невозможно отграничить от простого семантического влияния. В каждом конкретном случае соблюдаются следующие условия: существует пара слов, которые узуально не являются антонимами, но имеют такое различие в своей морфемной структуре, которое в системе языка может связывать антонимы.

Рассмотренные в этой статье речевые процессы с антонимическим отталкиванием объективно сводятся к двум: это либо комбинирование морфем, либо семантическое влияние одного слова на другое. В первом случае реализация выделимости морфем лежит на поверхности, причем, как мы старались показать, чаще всего реализуется выделимость морфем конкретных слов. Во втором случае все зависит от того, какие факторы способствуют установлению антонимической связи. Если антонимическая связь устанавливается под влиянием других, антонимических значений тех же слов, морфемная структура никак себя не проявляет. Если же влияние антонимических значений исключено, т.е. если данные слова не являются антонимами, антонимические отношения могут устанавливаться под влиянием их морфемной структуры. Поэтому установление окказиональных антонимических отношений между такими словами предполагает обязательную выделимость морфем в их составе.

PROBLEM OF MORPHEME FORMATION IN THE DERIVATIONAL PROCESSES
WITHIN A GROUP OF ANTONYMS

by

MARK MIKHAILOV

Summary

In this article the author considers the formation of derivational morphemes in the process of the formation of antonyms. The author points out that when the process has a derivational character, it is generally accompanied by the formation of morphemes of specific words of the language. However, when it is reduced only to a semantic shift in the existing word, the formation of morphemes does not always occur.

The author of the article tries to distinguish between the semantic shift which is accompanied by the changes of the word structure based on morphemes, and the shifts that are not connected with this structure.